

Даниил БЕНДИЦКИЙ

БЕРЕГ ЛЕВЫЙ, БЕРЕГ ПРАВЫЙ

Рассказ

1.

Утром было много лишних слов, точнее – каждое слово было лишнее. Разговор о серьёзном заведомо глух, мысль уводила не туда. Исчерпались возможности речи.

В последнее время мать была особо груба: подозрительно-презрительный тон стал естественным, игра в одни ворота навязанной. Никак не сопротивляясь, отец осознал своё проигрышное положение.

– Возьми список со стола, – сказала она.

Правой рукой он подобрал бумажку, левой стянул рыжую бороду в пучок, пальцы обвели окружность: разошлись у губного желобка и соединились у подбородка. Отец пытался вспомнить, как называется такой звук – то ли треск, то ли хруст – от трения жёстких волос шли мурашки по коже.

– Прочитай, что там написано.

Он прочитал:

– «Стирка, мусор, позвонить Д.»

– Повтори последнее.

Он повторил: «Позвонить Д.»

– Каждый раз прошу, перестань ему говорить: «Ну и рожа у тебя, Шарاپов».

Он промолчал.

От всех этих слов отец недоумевал – может, в списке скрывалось что-то ненаписанное или во фразах витало невыговоренное. Мать открывала, закрывала и вновь открывала сумки. Сын играл в тетрис. Счёт шёл на часы.

В суматохе споров и сборов они постоянно отвлекались – следили по телевизору за крушением подлодки. Баренцево море было большим и холодным. Поди разберись, что там с «Курском». Отец пробовал улавливать намёки в предметах, шёл курить на балкон – на полу от мокрого белья образовалось озерцо с затонувшим островком: засохшей каплей чёрной краски, в цветочном горшке свернулся ёж с обугленными иголками: бычками, августовский воздух сжался: духота.

Или нет, лучше так: всюду всплывали не намёки, а скорее свидетельства – последнее, что можно взять с собой, даже когда у тебя перевес.

Они присели втроём на дорожку и осмотрели свою единственную комнату – здесь не было необходимости запоминать что-то главное, оставались только второстепенные вещи. Но к чему они? Куда они денутся? Уже завтра всё исчезнет – глядишь, и не было ничего.

Сверху вниз, слева направо они в последний раз пробежались по предметам – люстра из Гусь-Хрустального: с недостающей цепочкой подвесных элементов; мебель из Шауляя: тёмно-коричневый шпон (матовый дуб) без сучка и задоринки; ворсовый ковёр чёрт-те откуда: с геометрическим узором по середине; репродукции картин на стене, отец говорил: «Это наш маленький

Даниил Бендицкий родился в 1985 году в Нижнем Новгороде. С 2000 года живет в Германии. Окончил архитектурный факультет в Берлинском Университете Искусств (Universität der Künste). Журнальные публикации: «День и ночь», «Кре-щатик», «Берлин. Берега», «Рижский альманах», «Сетевая словесность», «Топос». Предыдущая публикация в «Волге» – повесть «Энциклопедия криков» (2014, № 1-2).

Лувр»; уровень воды, то есть пометки карандашом на дверной раме: рост сына; тюлевые шторы: волны из складок от пола до потолка.

Как говорится, всё очевидно: нужно прекратить держать в голове лишнее. Но взволнованно-му Д., что примчался после звонка и никак не натоптался в прихожей, втемяшилось напомнить примету: «Когда уезжаешь – нельзя выносить за собой мусор».

Все как по команде побежали на кухню разглядывать ведро – оно было пустым.

Отец не переставал удивляться лицу друга – лицо будто стёртое ластиком: узкие глаза, приплюснутый нос, впалые щёки. (Шарапов, само собой, выглядел о-го-го.) Однако эта затёртая графика всегда вызывала доверие – в Шереметьево отправились вчетвером.

Ехали на машине ночью. Останавливались и долго дышали чёрным воздухом. Ёрничили про то ли дым, то ли дух, что так сладок и приятен, про общее подобие того-сего.

На паспортном контроле отца раздражали посторонние звуки. Сын высматривал лица. Мать неожиданно отошла в сторону и как в дешёвых фильмах отказалась ехать, сославшись на «ситуацию» с Д.

Дёрнулся – и не смог сдвинуться с места. Ущипнул себя – ничего не почувствовал. Обсуждать пошлый план: «выпроводить, чтобы самой улизнуть» не имело смысла. Даже пошло выяснять, что такое пошлость. Отец вроде знал ответ, но не понимал, как к нему подступиться. Незнакомое слово «ситуация» мать так спокойно произнесла, что оно моментально превратилось в невероятную дикость, будто ребёнку за завтраком сказали: «Не хочешь кашу? Хорошо, потом доешь».

Компания из четырёх человек в срочном порядке делилась надвое. Как, впрочем, все произнесённые и непроизнесённые слова.

Потом вдруг вспыхнуло, и отца с сыном ослепило. В Берлине было настолько солнечно, что с трапа самолёта они спускались с закрытыми глазами. Время тут же ускорило, но как-то рывками. Последовательность пропала. Жизнь пошла как бы на авось.

На белом форде их везли к бывшей границе двух бывших Германий. Отец смотрел из окна на ландшафт, лишённый примет и названия. Сын выпросил на заправке банку колы и открытку с видом на море. Микроавтобус остановился на заасфальтированной площади перед трёхэтажным зданием, и группа скучающих туземцев жадно посмотрела на них.

2.

Сразу – ни слова. Отец с сыном стали молчать. Вернее – что-то пытались сказать, но только не издавая звуков.

То, что их с ходу вынуждали отвечать на простейший вопрос, нагоняло тоску. Копилось раздражение, слабость. Хотя нет, конечно, можно не отвечать, а будто за кем-то другим повторять. Типа: дуб – это дерево, роза – цветок, олень – животное, воробей – это птица. Чёрт возьми, всё это уже было, чужие слова, своего – ничего. Они сами себе заклеили рот и не могли произнести самые обыкновенные фразы.

Немка подошла к ним вплотную, говорила отрывисто, в лоб – *verdammt nochmal*, чего непонятного:

– Эта письмо. Написан. Съесть.

Она протянула листок, обрисовав им в воздухе круг: напечатанный текст мгновенно рассыпался, превратился в шифр. Следовало наспех его разгадать (да ещё на весу). Подсказок не нужно – они догадались, не отвечали.

– Почему. Ви. Не. Гри?

Господи, что же сказать (нужное подчеркнуть, зачеркнуть): может: «Она сама “отказалась” или её в аэропорту “развернули»?»?

Немка не отставала, продолжала допрос:

– Ви. Толко. Два?

Вообще ни бельмеса. Ни туда ни сюда. Сплошное мучение. Отец с сыном молчали.

Они стояли перед вытянутой трёхэтажной коробкой, декоративно оштукатуренной, с ква-

дратными окнами и широкой лестницей у входной двери. Как-то интуитивно угадывалась типология здания. Изменение его назначения соответствовало духу времени: бывшая пограничная казарма превратилась в перевалочный пункт.

Русская публика не сводила с них глаз: мужики оторвались от игры в карты, женщины выстроились на плацу, дети бросили ковыряться в песочнице (что там искали: гэдээровские гильзы, гранаты?). Немка махнула рукой: если новые идиоты молчат – о чём тогда разговор?

Все эти шлимазлы уедут из временного лагеря уже через неделю. Их распределят по городам. Потом сюда приедут другие семьи, и они тоже сделают свой первый шаг. Но пока что немка на пальцах показывала койко-место: в комнате десять двухэтажных кроватей, плюхайтесь у окна. Здесь всё просматривалось до горизонта: бесконечное поле, деревушка, озерцо.

Отец открыл сумку – сверху лежали женские вещи. Невольно ухмыльнулся, даже не удивился, напротив: смотрел на её шмотки как на само собой разумеющееся. Мать специально их подсунула, чтобы он снова убедился в собственной нелепости. Столько лет он ничего не замечал, брезгливо отстранялся от разговора и теперь по полной получал.

Всего за полдня (как же это назвать) «история гибели одного семейства» upholstery настолько далеко, что материальные свидетельства имели в разы более сильное воздействие. Память перед ними бессильна. Её кофточки, лифчики, трусы хоть и выглядели издевательством, но, положив руку на сердце, – кто над кем измывался, кто жертва? Нечего себя обманывать. Размышлять о чувстве потери (скорее – потерянности) было глупо – отцу не хватало языка.

Сейчас восстанавливать нужно было не только речь, но и правильно настраивать оптику – не так подкрутишь колёсики, и сразу веет пошлостью: начинаешь восхищаться окружающим миром.

Оставалось хлопать глазами и обалдевать от дальнейших перспектив.

Отец с сыном спустились в столовую. У входа их внезапно оглушил пчелиный гул здешних жителей. Немка в фартуке выдавала пищевые контейнеры. Открываешь, а там – шкатулка с драгоценностями: браслет из сверкающего горошка, ожерелье из прозрачного риса, медальон из лоснящейся индейки и, чтобы угодить русским аборигенам, брошь из чёрного хлеба – всему голова.

Присматриваться к материалам, однако, мешала местная стройка. В углу столовой выросла перевернутый вверх дном Парфенон. На антаблемент (вытянутую тумбочку) опиралась колоннада из сложенных друг в друга пищевых контейнеров с объедками. Сын аккуратно сгибал края своей алюминиевой формочки, превращая её в ионическую капитель. К еде отец прикасался осторожно, тронешь не так – конструкция развалится.

Край, прикрытый прослойкой туманов!

Храм, чья постройка едва начата!

Опять не своё, чужие мысли-черти. И все настолько вымученные, аж самим тошно. Сколько можно терпеть эту ложь?

Отец с сыном вышли на улицу. Прозрачное небо падало на голову. Удушающий воздух проходил в лёгкие, на выдохе – не то хрип, не то свист. (Или – как говорят?) Приступ немоты не прекращался.

3.

Что ещё оставалось – только ходить и наблюдать. Смотреть на всё с точки зрения неизбежности настоящего и предопределённости будущего. Пусть в голове каша.

Они обогнули плац, повернули к тропинке вдоль вспаханного поля – земля лоснилась, отражала окрестный пейзаж. На часах было восемь (по московскому).

За полем находилась деревня: с фахверковыми домами, соломенными крышами, выстриженными садами, раскалённой на солнце кирхой (отец с сыном никак не могли избавиться от ощущения, что всё это декорация). Вокруг ни души.

Перед кирхой стояла каменная пирамида, на верхушке крест, на постаменте табличка: «Den Opfern der Kriege 1914–1918, 1939–1945 zum Gedenken». Отец пытался было перевести: первое слово незнакомо, второе «война», дальше годы, «denken» – это «думать», а с приставкой «ge»

– скорее что-то про «память», но фраза совершенно не складывалась, мысль в такие области не заходила (может, предложение на русский не переводится?), и он промолчал.

Деревенская дорога вела к бывшей внутригерманской границе: куску забора из металлической сетки (паре секций да паре столбов). Этот одинокий фрагмент уже издалека возбуждал страсть к разрушению или, по правде говоря, заставлял разразиться упреками к местным жителям: неужели стену длиной метров в десять до конца не могли доломать?

Они свернули к колонному пути. По заросшей тропинке тянулись два ряда бетонных плит с отверстиями, слева фонарные столбы, справа ров, потом высокие ели, за переездом, мимо разрированного граффити кирпичного домика, выглядывало озерцо.

Как же это называется – кажется, произвольное воспоминание. Да, именно с озера всё и началось. Два года назад они поехали на Светлояр четвером: отец, мать, сын и Д. сидели на берегу, говорить не могли – только друг на друга орали, бешенство лишало рассудка, жар приливал в мозг.

И да бог с ним, о чём отец тогда разглагольствовал: то ли о ненависти к власти, то ли единственном источнике жизни: страдании; и да пёс с ним, что разговор перешёл в крик (его уже не восстановить) – он впервые увидел, как Д. обнял её плечи, и мать к этому чёртову Д. прислонилась; нечего удивляться, что отец ничего не почувствовал: обсуждать в тысячный раз банальные вещи было важнее, а говорил он всегда только сам с собой.

Теперь они остались вдвоём. Об этом было странно думать. Но невероятное ощущение, будто они находятся в месте, где происходит самое главное, их не покидало. И для этого главного не существовало слов.

Отец с сыном шли вдоль просёлочной дороги. Через пару километров находился городок. Они снова не переставали поражаться, что и здесь вокруг декорация: шелушащиеся стены, мощёные улицы, нарисованная реклама, старые машины – всё уснуло, лишь где-то вдалеке поезд отстукивал: die-der-die-den, die-der-die-den.

Возвращались в темноте, спешили. Изумлённо смотрели по сторонам: странно, даже то, что было едва различимо, вдруг изменилось: на асфальте появились заплатки (когда шли в город, дорога была гладкой), насаждения росли вкривь и вкось, озеро скрылось за деревьями, заброшенный домик превратился в полицейский участок. Небо вывернулось, стало глубоким.

Двое полицейских стояли у шлагбаума. Метрах в двадцати – закрытые ворота, сплошная стена. Те спрашивали по очереди, повторялись. Отец с сыном в ответ махали руками, смогли только вспомнить: «Dahin! Dahin!» (Что там дальше: «Давай уйдем, отец мой, навсегда!»)

Первый полицейский удивлённо мотал головой – хорошо, будем говорить жестами. Он сложил ладони, потом их раскрыл, снова сложил: паспорт где? Отец стал быстро рыться в карманах, вытащил всё содержимое: две двадцатки, монеты, бумажку «стирка, мусор, позвонить Д.», чек с заправки, сломанную сигарету, зажигалку – и тут наконец-то прозрел: бляха-муха, документы забыл. Сын молча тыкал пальцем вперёд: вон там в общежитии их и оставил.

Это ж надо так подставиться, чтобы в первый день замели. Ещё не хватало приступа бешенства – отметелят.

Второй полицейский прошёл вдоль шлагбаума, включил фонарик. Яркое пятнышко пронеслось по траве, забралось на невысокий столб и остановилось на железной табличке.

Отец с сыном увидели выпуклый герб и надпись: Deutsche Demokratische Republik.

Они подошли ближе, до сих пор не веря тому, что происходит вокруг: перед ними стена, потом какие-то вышки, огни, дальше ещё одна полоса из металлической сетки, за ней двускатные крыши, шпиль кирхи, казармы не видно.

Первый полицейский протянул жёлтый бланк. В правом верхнем углу стоял штамп: 13.08.1984. Второй протянул шариковую ручку: заполняйте.

Напечатанные слова отцеплялись, существовали как бы сами по себе: «Antrag», «Einreise», «DDR», «Familiename», «Wohnort», но отец с сыном таких слов не знали.

Стояли, дышали, молчали.